

Альбрехт Т. Записки кавалериста. Вступление // Николай Гумилев. Боевой путь поэта. Записки кавалериста. М. : Родина, 2022. С. 11–18.

Архипова А. В. Война 1812 года и эволюция русской прозы // Русская литература. 1985. № 1. С. 39–56.

Васильева М. Ю. Первая мировая война в цикле очерков Н. С. Гумилева «Записки кавалериста» // Современная парадигма гуманитарных исследований: проблемы филологии и культурологии. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, 2018. С. 55–61.

Гумилев Н. Боевой путь поэта. Записки кавалериста. М. : Родина, 2022. 272 с.

Зобнин Ю. В. Стихи Гумилева, посвященные мировой войне 1914-1918 годов (военный цикл). [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/about/100/> (Дата обращения: 17.04.23).

Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. М., 2013. 208 с.

Приказчикова Е. Е. Женщина на фоне наполеоновской эпохи. Екатеринбург. : Изд-во Уральск. ун-та, 2015. 256 с.

Zimoglyad A. A. *Principles of autobiography in the “Notes of a cavalryman” by N. S. Gumilev*

Abstract: N. S. Gumilev's autobiographical prose: “Notes of a Cavalryman”, “African Diary”, “African Hunt”, is an important part of the poet's work, reflecting his heroic ideals of being. “Notes of a cavalryman” are dedicated to the participation of N. S. Gumilev in the First World War as part of the Life Guards of the Uhlan Regiment in 1914-1915. The main mechanisms and principles of building the poet's identity in the "Notes of a cavalryman" are considered when describing the battles in which the poet took part, and when telling about military life. The article also explores the genre specifics of the “Notes of a cavalryman” and the ways of submitting auto-documentary material.

Keywords: N. S. Gumilev, principles of autobiography, documentary, the First World War, “Notes of a cavalryman”, Antiquity, military memoiristics.

И. О. Гоголева

(научн. руководитель Т. А. Снигирева)

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

«Самоперебивки» как форма аутодиалога в поздней лирике О. Мандельштама

Аннотация: поэзия О. Мандельштама 1930-х годов отличается повышенной диалогичностью, о чем свидетельствует появление в стихах аутодиалога. Особой формой аутодиалога в поэзии О. Мандельштама являются «самоперебивки». Данная статья посвящена анализу функций и интонационных особенностей «самоперебивок» в стихах О. Мандельштама. Данная форма аутодиалога позволяет сделать лирику предельно интимной, обнажить сам процесс создания стихов, максимально приблизить поэзию к живому диалогу и выразить различные эмоции. Также «самоперебивки» влияют на мелодику стиха, приближая его к разговорной речи.

Ключевые слова: О. Мандельштам, диалог, аутодиалог, диалогичность, самоперебивки

Поэзия О. Мандельштама 1930-х годов характеризуется повышенной коммуникативностью и, можно уточнить, – диалогичностью. К диалогическим формам речи относятся вопросительные конструкции, императивы, обращения, автокоммуникация. Все

это широко представлено в поздней лирике О. Мандельштама. Оказавшись отщепенцем, не имеющим возможности публиковаться, а позже – в ссылке, поэт остро нуждался в диалоге и собеседнике, что оказало влияние на формирование новой поэтики.

Лирический субъект позднего О. Мандельштама обращается к различным лицам, явлениям и даже предметам, а также – что представляет для нас особый интерес – к самому себе.

Аутодиалог – свидетельство напряженной внутренней работы поэта (наиболее очевидные ситуации: ситуация выбора, внутреннего противоречия, борьбы). В. А. Кухаренко пишет: «Семантическое наполнение его весьма устойчиво: это борьба эмоционального и рационального, выраженная двумя внутренними голосами. <...> Каждая сторона наделяется своим голосом и своими средствами выражения» [Кухаренко: 168]. Аутодиалог позволяет соединить противоположные, взаимоисключающие состояния и чувства – вместить в себя все, но при этом не потерять цельности.

В стихотворениях О. Мандельштама аутодиалог представлен по-разному: с помощью вопросительной конструкции, императива, употребления местоимения «ты» по отношению к самому себе, а также так называемыми «самоперебивками». Данный термин мы позаимствовали у Ю. И. Левина, который писал: «Очень показательны вкрапленные в стихотворную речь своеобразные намеки на диалог: самоперебивки, полубращения, полувопросы и полуответы – ни к кому в особенности не обращенные...» [Левин: 131]. Так, название этого явления говорит само за себя: мы будем считать самоперебивками случаи, когда лирический субъект сам обрывает свою речь, когда в поэтический текст вкрапляется другое высказывание.

Чаще всего самоперебивки начинаются с частицы «не» или слова «нет»: «В год тридцать первый от рожденья века / Я возвратился, нет – читай: насильно / Был возвращен в буддийскую Москву» (с. 180)²⁶, «Капли прыгают галопом, / Скачут градины гурьбой, / Пахнет потом – конским топом – / Нет – жасмином, нет – укропом, / Нет – дубовою корой» (с. 190), «Утешь меня Шопеном чалым, / Серьезным Брамсом – нет, постой: / Парижем мощно-одичалым...» (с. 213), «Расширеньем аорты могущества в белых ночах – нет, в ножнах – / Глаз превращался в хвойное мясо» (с. 215), «И какой там лес – еловый? / Не еловый, а лиловый» (с. 227), «Он эхо и привет, он веха, нет – лемех» (с. 233). Поэт словно обнажает процесс создания стихотворения, поиск нужного слова. Лирический субъект поправляет самого себя, уточняет сказанное, за счет чего создается ощущение одновременности поэтической речи с процессом восприятия, это словно живой диалог, звучащий здесь и сейчас. Речь лирического субъекта эмоциональна (за исключением, пожалуй, контекста «И какой там лес – еловый? / Не еловый, а лиловый», где размеренный ритм сочетается с игривой интонацией), ощущается его решительность, многие из приведенных строк звучат крещендо. Лирический субъект предельно открыт и искренен, для него принципиально важна точность описываемых деталей, что свидетельствует о пристальном вглядывании в мир и себя.

С. С. Аверинцев, характеризуя поэзию О. Мандельштама 1930-х годов, отмечает: «Более чем когда-либо прежде, это поэтика противоречия» [Аверинцев: 30]. Особое мироощущение О. Мандельштама как «виртуоза противочувствия», на наш взгляд, в том числе проявляется в таком «споре» с самим собой.

Иногда стихотворение начинается с «не» или «нет»: «Не развалины – нет, – но порубка могучего циркульного леса...» (с. 164), «– Нет, не мигрень, – но подай карандашик ментоловый» (с. 175). Может показаться парадоксальным утверждение, что это также относится к самоперебивкам, ведь речь формально еще не началась. Однако в данном случае, как нам представляется, стихотворение словно оказывается фрагментом не

²⁶Здесь и далее ссылаемся на данное издание с указанием страницы в скобках: Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения. Сост., подготовка текста и коммент. П. Нерлера; Вступ. Статья С. Аверинцева. – М.: Худож. лит., 1990. – 638 с.

прекращающегося внутреннего диалога, а также фрагментом всех стихов (если их рассматривать как единый текст, а в случае О. Мандельштама это видится вполне оправданным).

Несколько иная интонация самоперебивки в данном стихотворении:

Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большеротый мой!

Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!

А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заест ореховым пирогом...

Да, видно, нельзя никак (с. 160).

Лирический субъект обрывает свою речь не так резко, но важно, что именно эта строка является последней. При отсутствии формальных средств экспрессии она оказывается эмоционально выразительной: в ней слышатся и горечь, и смирение, и отчаяние, и принятие своей судьбы.

Другим характерным вариантом самоперебивок является экспрессивное восклицание. Лирический субъект одергивает себя, в страхе зайти слишком далеко: «Что это? пряжа? звук? предупрежденье? / Чур-чур меня! Далеко ль до беды» (с. 165), приказывает самому себе: «Чур, не просить, не жаловаться! Цыц! / Не хныкать ...» (с. 177). Во втором примере ярко проявлена главная функция аутодиалога, на которую указывал Ю. М. Лотман: «Если коммуникативная система “Я – ОН” обеспечивает лишь передачу некоторого константного объема информации, то в канале “Я – Я” происходит ее качественная трансформация, которая приводит к перестройке самого этого “Я”» [Лотман: 166]. Поэтому для аутодиалога характерен императивный тон, что нередко встречается в поэзии О. Мандельштама.

Есть также примеры, в которых самоперебивки используются именно для выражения эмоций и отношения к чему-либо: «Страшен чиновник – лицо как тюфяк, / Нету его ни жалчей, ни нелепей, / Командированный – мать твою так! – / Без подорожной в армянские степи» (с. 167) (гнев и отвращение), «К царевичу младому Хлору / И – Господи благослови! – / Как мы в высоких голенищах / За хлороформом в гору шли» (с. 187), «Меня преследуют две-три случайных фразы, / Весь день твержу: печаль моя жирна... / О Боже, как жирны и синеглазы / Стрекозы смерти, как лазурь черна» (с. 207) (ужас), «Влез бесенок в мокрой шерстке – / Ну куда ему, куды? – / В подкопытные наперстки, / В торопливые следы» (с. 230) (насмешка), «Это мачеха Кольцова, / Шутишь: родина щегла!» (с. 226) (удивление, несогласие). Последняя строка стихотворения «Заблудился я в небе – что делать?...» обрывает речь: «Лед весенний, лед вышний, лед вешний – / Облака, обаянья борцы, – / Тише: тучу ведут под узцы» (с. 249). В этом повелении – «тише» – словно проступает осторожность лирического субъекта, намек на «незаконность» его речи.

Особенным кажется следующий пример: «Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли – / Все равно; / Ангел Мэри, пей коктейли, / Дуй вино» (с. 171). Данная строка – «Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли» – формально не содержит семантического наполнения, но при этом несет большую смысловую нагрузку. В этом восклицании, напеве выражаются сложные и противоречивые эмоции: отчаяние, боль, бравада и истинная готовность к своей участи.

Проникновенно звучат обращения-вставки в следующих двух примерах: «И хотелось бы тут же вселиться, пойми, / В долговечный Урал, населенный людьми» (с. 216), «Проклятый шов, нелепая заесть / Нас разлучили, а теперь – пойми: / Я должен жить, дыша и большевея...» (с. 217). Хотя данные случаи можно отнести к самоперебивкам с некоторыми оговорками, нам представляется важным учесть их при характеристике аутодиалога в поздней лирике О. Мандельштама. В данной просьбе слышится невероятно сильное желание быть услышанным и понятым, а также желание достичь контакта с адресатом.

В некоторых стихотворениях появление вопроса или же восклицания ощущается как появление нового голоса, однако явного прерывания предыдущей фразы нет. Таким образом, данные примеры нельзя отнести к самоперебивкам, но упомянем их как явления схожего характера: «Где я? Что со мной дурного?! Степь беззимняя гола» (с. 226), «И какой там лес – еловый?» (с. 227), «И отдышавшийся распахнут кругозор – / Повязку бы на оба глаза!» (с. 231), «И ржавчина чуть-чуть отлогий берег гложет... / Что ж мне под голову другой песок подложен?» (с. 238).

«Нет лирики без диалога», – писал О. Мандельштам в своей ранней статье «О Собеседнике» [Мандельштам 1990: 149]. Оказавшись в изоляции, в ситуации, когда, казалось бы, все должно было способствовать уничтожению его как человека и как поэта, он становится в высшей степени свободным, что отражается в его поэзии. Несмотря на отсутствие буквального живого собеседника, диалог остается не только возможным, но и реализуется на разных уровнях текста. Особой формой диалога в поэзии позднего О. Мандельштама является аутодиалог.

Благодаря включению в текст аутодиалога эксплицируется внутренний духовный путь поэта, а также – процесс создания стихотворения, поиска верного слова. Лирика становится наиболее интимной, открытой до крайнего предела.

Самоперебивки как одна из форм аутодиалога оказывают влияние на интонацию и мелодику: появление другого голоса влечет за собой смену интонации, делает поэтическую речь приближенной к разговорной. Таким образом, ощущение живого диалога, происходящего здесь и сейчас, создается за счет особой мелодики, а также семантики.

Кроме того, диалог с самим собой обнажает связь с первоосновами поэзии, ведь он характерен именно для древних текстов. Эта связь также свидетельствует о преодолении поэтом одиночества и изоляции.

Литература

Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама / А. С. Аверинцев // Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения. Сост., подготовка текста и коммент. П. Нерлера; Вступ. статья С. Аверинцева. М.: Худож. лит., 1990. С. 5–65.

Кухаренко В. А. Интерпретация текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1988.

Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Издательство СПб, 2000.

Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 1, Стихотворения. Переводы / О. Э. Мандельштам. М.: Худож. лит., 1990.

Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза / сост., подготовка текста и коммент. П. Нерлера; Вступ. Статья С. Аверинцева. М.: Худож. лит., 1990.

Gogoleva I. O. “Self-interruptions” as form of autodialogue in O. Mandelstam's late lyrics

Abstract: O. Mandelstam's poetry of the 1930s is characterized by increased dialogicity, as evidenced by the appearance of autodialogue in his poems. A special form of autodialogue in the poetry of O. Mandelstam is “self-interrupting”. This article is devoted to the analysis of the functions and intonational features of “self-interruptions” in the verses of O. Mandelstam. This form of autodialogue allows you to make the lyrics extremely intimate, expose the very process of creating poetry, bring poetry as close as possible to a lively dialogue and express various emotions. Also, “self-interruptions” affect the melody of the verse, bringing it closer to colloquial speech.

Keywords: O. Mandelstam, dialogue, autodialogue, dialogism, self-interruption